

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. ВЕЙДЕМАЙЕРЪ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Коралловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С—вой. — II. Осень. (Стих.). Н. О.— III. Ночь на Шафбергѣ. Е. Геслингъ. — IV. Бабушка.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

ВУКОВОДИМЫЕ криками, мы пробирались кустарникомъ и лѣсомъ и когда вышли изъ лѣса, то увидели дикарей, окружавшихъ громадный военный челнокъ, который, повидимому, готовились спустить на воду. Вдругъ раздался сильный вопль, покрывшій всё голоса. Стонь еще не замеръ, какъ за нимъ послѣдовалъ другой, третій. Тутъ мы увидели, что дикари спускали челнокъ на

воду по тѣламъ своихъ связанныхъ жертвъ; я отвернулся и упалъ на траву. Билль схватилъ меня за руку, говоря:— пойдемъ отсюда, голубчикъ, и мы, спотыкаясь, цѣпляясь за кусты, побѣжали отъ этого роковаго мѣста.

Весь этотъ день я едва понималъ, что мнѣ говорили и вздохнула свободно только вступивъ на палубу шкуны.

Вечеромъ случайно я услышалъ разговоръ между капитаномъ и первымъ мичманомъ, который меня встревожилъ.

Послѣ продолжительныхъ разсужденій капитанъ сказалъ:

— Вы ошибаетесь, говоря, что весь грузъ на кораблѣ, въ лѣсу его еще множество. Ромато знаетъ это, но не позволяетъ его увезти и даже смѣетъ угрожать.

— Что же вы намѣрены дѣлать, капитанъ?

— Я намѣренъ подъѣхать со шкуной къ бухтѣ, оттуда направить пушку на сандалный лѣсъ, потомъ высажусь со всѣмъ экипажемъ, кромѣ двухъ, которыхъ оставляю въ шлюпкѣ присматривать за шкуной, а сами проберемся черезъ лѣсъ до начала деревни; ружья матросовъ будутъ заряжены дробью, если дикари покажутся, при первомъ залпѣ мы повалимъ штукъ сорокъ или пятьдесятъ и дѣло пойдетъ какъ по маслу. Дикари бросятся въ горы, а мы заберемъ что намъ надобно—и были таковы.

Мичманъ одобрилъ этотъ планъ; капитанъ, выходя изъ каюты, сказалъ:—дайте матросамъ по стакану грога, да не забудьте дробь. Я выслушалъ съ ужасомъ этотъ безчеловѣчный планъ и передалъ его Биллю.

Билль, подумавши, сказалъ:—въ сумерки я выплыву на берегъ, привяжу мушкетъ къ дереву, недалеко отъ мѣста высадки, и проведу длинную веревку отъ ствола, когда ребята наши перейдутъ черезъ веревку, мушкетъ выстрѣлитъ, вся деревня всполошится и поднимется на ноги прежде атаки. Это намъ не помѣшаетъ вернуться къ шлюпкѣ, прибавилъ добродушно улыбаясь Билль, и мнѣ хоть разъ въ жизни удастся спасти капитана отъ новаго преступленія. Когда стемнѣло, Билль выполнилъ свое намѣреніе и возвратился на шкуну ни

къмъ незамѣченный. Съ приближеніемъ полночи, матросы были вызваны на палубу, а черезъ нѣсколько минутъ мы вошли въ устье бухты. Передъ нами раскидывались мангустановыя рощи и когда достигли мѣстечка до того заросшаго развѣсистыми деревьями, что сквозь нихъ съ трудомъ можно было пробраться, то капитанъ осмотрѣлъ выстроившихся въ рядъ вооруженныхъ матросовъ и шепотомъ сказалъ:—цѣлить не торопясь, даромъ зарядовъ не тратить. Матросы молча спустились въ шлюпку и приблизились къ берегу, Ральфа оставили въ каютѣ стеречь шкуну. Выйдя на берегъ, капитанъ засунулъ подъ мышку винтовку и сопровождаемый матросами проскользнулъ въ кусты. Я съ замираніемъ сердца ждалъ результата нашего плана, вдругъ въ кустахъ мелькнули двѣ яркія звѣздочки, но звука не послѣдовало, я понималъ, что планъ нашъ не удался и стоя въ шлюпкѣ, въ мрачномъ безмолвіи ожидалъ исхода этой злодѣйской экспедиціи. Высокія мачты нашей шкуны едва виднѣлись изъ-за деревьевъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, черезъ минуту въ деревнѣ вопль и крики тысячи голосовъ, точно цѣлыя отряды людей разсыпались по лѣсу. Неподалеку послышался голосъ капитана, проклинавшаго преждевременный выстрѣлъ, приказъ впередъ, громкое ура матросовъ, напавшихъ на дикарей и непрерывный рядъ выстрѣловъ.

Пока я прислушивался къ этимъ звукамъ, недалеко отъ меня послышался шелестъ шаговъ многочисленной толпы, я вздрогнулъ; нѣсколько сотъ дикарей бѣжали на мѣсто битвы и напали на нашихъ съ тыла. Битва завязалась ужасная. Наконецъ шумъ битвы замолкъ, по крикамъ восторга дикихъ я понималъ, что наши были побѣждены. Мнѣ оставалось одно—бѣжать, но какъ вывести шкуну безъ посторонней помощи? Дѣлать было нечего и я рѣшился отчалить, но только что хотѣлъ отчалить, какъ услышалъ предсмертные вопли и стоны, вѣроятно думалъ я, дикіе убиваютъ нашихъ; вдругъ какой-то человекъ выскочилъ изъ-за кустовъ, крикнувъ:

— Стой, Ральфъ, стой, и вскочилъ въ шлюпку такъ бы-

стро, что шлюпка чуть не опрокинулась.—Это былъ Билль. Черезъ минуту мы были уже на палубѣ шкуны и она живо понеслась внизъ по заливу; но прежде чѣмъ достигла устья, толпа дикарей бросилась въ воду и поплыла за нами, такъ какъ они догнать насъ не могли, то выбрались на берегъ и обогнали съ тѣмъ, чтобъ перерѣзать дорогу шкунѣ. Удайся имъ—и мы погибли. Тогда Билль, поколебавшись съ минуту, выстрѣлилъ изъ пушки, за выстрѣломъ вспыхнуло зарево и прокатился оглушительный рокоть. Ошеломленные дикари думали, что горы ихъ разлетѣлись въ дребезги; пользуясь ихъ страхомъ, мы шли изъ бухты, легкій вѣтерокъ надулъ паруса, крики дикарей замирали въ дали и мы выплыли въ безбрежное море.

XXII.

Раненый.—Шкваль.—Утѣшеніе.—Кончина.

Когда я почувствовалъ вѣяніе прохладнаго вѣтра Тихаго океана и услыхалъ журчанье волнъ, отъ радостнаго волненія силы оставили меня и я безъ чувствъ упалъ на палубу.

Голосъ и помощь Билля привели меня въ себя, онъ уложилъ меня покойно на постель и далъ выпить глотокъ водки, говоря:—выпей, голубчикъ, это подкрѣпитъ тебя, такимъ нѣжнымъ голосомъ, какимъ онъ никогда не говорилъ прежде.

Я отпилъ глотокъ и тотчасъ же погрузился въ глубокой сонъ. Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко. Подъ вліяніемъ невыразимаго чувства спокойствія я любовался океаномъ, онъ былъ недвижимъ какъ бы хрустальная равнина и подернуть золотистыми полосами солнечнаго восхода.

Въ лазурной глубинѣ тишина не нарушалась даже летомъ морскихъ птицъ.

Не знаю, долго ли я любовался этимъ мирнымъ зрѣлищемъ, какъ взглянувъ на Билля, былъ пораженъ его блѣдностію, онъ сидѣлъ у моихъ ногъ, склонивши голову на пра-

вую руку. Когда я приподнялся, облокотившись на локоть, и назвалъ его по имени, онъ вздрогнулъ, обернулся ко мнѣ, говоря:—ну, Ральфъ, проснулся мой мальчикъ? всмотрѣвшись въ лицо Билля, я вскочилъ съ своего мѣста и бросился къ нему. Волосы его, слипшіеся отъ запекшейся крови, спускались на лобъ, одежда была изорвана и покрыта грязью и кровью.

— Билль! вскричалъ я, ты раненъ?

— Да, отвѣчалъ онъ глубокимъ, мягкимъ голосомъ, укладываясь на постель, съ которой я только что поднялся. Рана, кажется, опасна, достань-ка мнѣ глотокъ водки изъ буфета. Ты спалъ такъ сладко, Ральфъ, мнѣ не хотѣлось тебя тревожить, а теперь помоги—я очень слабъ.

Я быстро сбѣжалъ внизъ и вернулся съ бутылкой водки и съ сухарями; выпивши немного вина и воды, онъ крѣпко заснулъ, я тревожно наблюдалъ за нимъ.

Пробудившись, Билль сказалъ:—я чувствую себя крѣпче; но когда хотѣлъ встать съ постели, то не могъ.

— Лежи, Билль, спокойно, я устрою тебѣ постель на палубѣ и принесу позавтракать, я не докторъ, но буду твоей сидѣлкой и ты поправишься.

Уложивши его, я пошелъ въ кухню, развелъ тамъ огонь, изъ кладовой принесъ разныхъ съѣстныхъ запасовъ, состряпалъ завтракъ и принесъ его своему товарищу. Онъ ласково улыбнулся, когда я поставилъ передъ нимъ чашку кофе, варенье, яйца и бѣлый хлѣбъ.

— Ну, Билль, сказалъ я, садясь возлѣ него, примемся-ка за завтракъ, но прежде позволь осмотрѣть твою рану.

Рана была сдѣлана пистолетнымъ выстрѣломъ на правой сторонѣ груди и показалась мнѣ неопасной, но Билль покачалъ головою и сѣлъ, говоря:—Ральфъ, я расскажу тебѣ, какъ все было.

— Видишь-ли, когда мы пробирались кустарникомъ, то матросы перервали веревку ногами, замокъ звякнулъ, мушкетъ не выстрѣлилъ, я сдѣлалъ видъ, что торопясь сразиться съ ди-

карями, зашнурясь ногою о срубленное дерево, упалъ и ружье мое выстрѣлило. Въ стоянкѣ дикарей поднялся оглушительный визгъ. Я бросился впередъ съ остальными матросами, какъ капитанъ scomандовалъ: стой.

— Ты выстрѣлилъ, негодяй? сказалъ капитанъ, и выхвативъ изъ-за пояса пистолеть, выстрѣлилъ мнѣ прямо въ грудь. Я упалъ. Меня привелъ въ чувство ужасающій вопль, поднявшись на ноги, я увидалъ сквозь деревья пылающій костеръ и при свѣтѣ его разсмотрѣлъ капитана и нѣсколько человѣкъ матросовъ, привязанныхъ къ шестамъ, а дикарей пляшущихъ вокругъ нихъ. Не прошло и секунды, какъ одинъ изъ дикарей подошелъ къ капитану, и вонзилъ ему въ грудь ножъ; я бросился черезъ кусты въ лѣсъ и вскопчилъ въ плюнку, какъ это тебѣ извѣстно. Теперь подумаемъ, что намъ дѣлать?

— Мы одни на Тихомъ океанѣ, въ хорошо устроенной шкунѣ и передъ нами цѣлый мѣръ, сказалъ я. Рѣши, Билль, куда намъ править?

— Ральфъ, мой голубчикъ, отвѣчалъ Билль, мнѣ все равно, поѣзжай куда хочешь, мнѣ жить не долго.

— Если такъ, Билль, направимся къ нашему острову, капитанъ мнѣ указалъ его на картѣ, я намѣтилъ его и, кажется, найду дорогу. Если бы ты Билль, посидѣлъ у румпеля и править часа два въ день, чтобы я могъ уснуть, тогда мы отлично доплывемъ до мѣста.

Билль печально улыбнулся. — А что ты будешь дѣлать, если начнется буря? сказалъ Билль.

— Сдѣлаю что можно, отвѣчалъ я, въ остальномъ надобно положиться на Бога.

— Ральфъ, сказалъ Билль слабымъ голосомъ, укажи мнѣ Бога, я умираю и боюсь загробнаго міра, что-то внутри меня говоритъ, что придется дать отчетъ.

— Не говори такъ, Билль, не говори, я увѣренъ, ты выздоровѣешь. Нѣтъ ли на шкунѣ библіи?

— Была, она принадлежала бѣдному мальчику, взятому

на шкуну насильственно. Онъ умеръ отъ жестокаго обращенія и страха, а библію его капитанъ вышвырнулъ за бортъ.

— Билль, сказалъ я тихимъ голосомъ, вѣруй во Христа и спасенъ будешь.

— Да, Ральфъ, я слыхалъ какъ миссіонеры говорятъ это, да спасеніе не для такихъ какъ я.

Я не могъ припомнить ни какого текста изъ Священнаго писанія, чтобы доказать истину моихъ словъ и его утѣшить.

Послѣ краткаго молчанія Билль сказалъ:—Ральфъ, съ дѣтства я былъ морякомъ, попалъ въ дурное товарищество, покинулъ отцовскій домъ, падалъ все ниже и ниже и послѣдніе три года былъ пиратомъ. Правда, я не самъ выбралъ это ремесло, случайно попалъ на эту шкуну, меня держали на ней силою, наконецъ, я самъ сдѣлался отчаяннымъ головорѣзомъ и рука моя не разъ обагралась человѣческой кровью. Твое юное сердце замерло бы отъ ужаса, если бы я... но зачѣмъ продолжать, участь моя рѣшена.

— Билль, вѣруй, сказалъ я, и все тебѣ простится.

— Вѣруй! возразилъ Билль, приподнявшись на локоть, вѣруй—сказать легко, и тихо застонавъ, опустил на свою постель.

Спустя немного времени, Билль быстро открылъ глаза, говоря: ты, Ральфъ, смотри въ оба, голубчикъ, шкваль! Тотчасъ поднялся на ноги и увидалъ, что на насъ дѣйствительно несетъ тяжелый шкваль. Билль сдѣлалъ распоряженія, и я исполнилъ ихъ. Шкуна стояла еще неподвижно на зеркальномъ морѣ.

— Держись вѣтра, мальчикъ, произнесъ Билль слабымъ голосомъ.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ попросилъ меня сказать еще разъ текстъ изъ библіи.

Я повторилъ ихъ.

— Точно ли ты, голубчикъ, читалъ это въ священной книгѣ.

— Точно, отвѣчалъ я.

Едва я успѣлъ произнести эти слова, какъ подулъ сильный вѣтеръ, на палубу набѣжали пѣнистыя волны, я едва держался на ногахъ. Билль безъ чувствъ упалъ на палубу отъ сотрясенія шкуны; я не могъ ни на минуту отойти отъ руля. Буря заливала водой палубу. Черезъ часъ шкваль утихъ и мы опять качались на легко волнующемся морѣ.

Какъ только я отошелъ отъ руля, то первой заботой моей было приподнять Билля и уложить на койку, потомъ сбѣгалъ внизъ, принесъ воды и бутылку водки, вытеръ ему лицо и голову водой, влилъ въ ротъ немного вина, грѣлъ руки, но все напрасно, онъ не приходилъ въ чувство, я выпустилъ изъ руки его руку, она тяжело упала на палубу. Я прижалъ руку къ его сердцу—сердце не билось. Пиратъ умеръ.

XXIII.

Одинъ на океанѣ.—Изобрѣтательность.—Драгоценная книга.—Явленія природы.—
Счастливый день.

Съ благоговѣніемъ и скорбью смотрѣлъ я на застывшія черты умершаго товарища и думалъ о его жизни и моемъ положеніи. Одинъ среди океана, почти не зная навигаціи, на шкунѣ, экипажъ которой долженъ былъ состоять по меньшей мѣрѣ изъ восьми человекъ. Нѣтъ словъ того, что я перечувствовалъ. Спустя немного времени я привязалъ ядро къ умершему товарищу и съ молитвою опустилъ его въ морскую глубину.

Недѣлю дулъ попутный вѣтеръ, я подвигался быстро къ цѣли и надѣялся скоро добраться до нашего острова, зная его положеніе на картѣ, я могъ правильно опредѣлить его компасомъ, погода мнѣ благопріятствовала. Спустя двѣ недѣли я видѣлъ, что нахожусь близко него — сердце мое радостно билось.

На шкунѣ я нашель единственную книгу— „Путешествіе капитана Кука“. Вѣроятно капитанъ пиратовъ взялъ ее чтобъ руководствоваться ею и извлекать свѣдѣнія объ островахъ Тихаго океана. Я каждый день читалъ эту интересную книгу и каждый день работалъ на шкунѣ; разъ вставъ ночью послѣ трехъ-часоваго сна, я удивился и нѣсколько встревожился, увидавъ, что плаваю среди моря голубаго огня; я не рѣдко видалъ этотъ прелестный фосфоризующій свѣтъ, но въ этотъ разъ онъ превосходилъ все видѣнное мною прежде. Вода бѣлѣла какъ молоко и вся свѣтилась.

Я взялъ ведро, зачерпнулъ имъ воды и внесъ въ каюту, чтобъ разсмотрѣть хорошенько; когда я поднесъ ее къ горѣвшей каютной лампѣ, вода перестала свѣтиться, я вынесъ лампу, свѣтъ явился снова. Тогда я зачерпнулъ воды въ руку, спустилъ ее по каплѣ съ руки, свѣтящееся вещество осталось у меня на ладонѣ.

Я взялъ увеличительное стекло и, разсматривая сквозь него руку, увидалъ на ней два кусочка свѣтлаго прозрачнаго вещества похожаго на желе; едва видимагоо простому глазу. Этотъ превосходный фосфорическій свѣтъ происходилъ отъ животно-растений. На рукѣ у меня были крошечныя медузы.

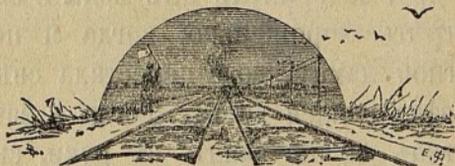
Вечеромъ четырнадцатаго дня я былъ пробужденъ громкимъ крикомъ, я вскочилъ, оглядѣлся съ испугомъ и обрадовался, увидавъ большаго альбатроса, величественно парящаго надъ шкуною. Быть можетъ это тотъ альбатросъ, подумалъ я, котораго я видѣлъ на островѣ Пингвиновъ, и смотрѣлъ на птицу, какъ на стараго друга. Альбатросъ не покидалъ меня цѣлый день и улетѣлъ съ наступленіемъ ночи.

Стоя на палубѣ, я съ нетерпѣніемъ ждалъ разсвѣта, устремивъ тревожный взоръ на горизонтъ; едва первый лучъ восходящаго солнца позолотилъ море, увидалъ.. неужели

этотъ величественный бурунь съ его непрерывнымъ рокомъ — эта горная вершина! да, я увидалъ нашъ Коралловый островъ.

А. С—ва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О С Е Н Ъ .

А, КЪ ОСЕНИ сворачиваетъ лѣто.
Ужъ ночью былъ серебряный морозъ;
И воздухъ свѣжъ, и—грустная примѣта—
Желтѣетъ листь сквозь зелени березъ,
Уже и вѣтръ брюзгливый и сырой
Колеблетъ лѣсъ и свищетъ день-деньской,
И облаковъ отрядъ сгоняетъ сѣрый;
И вечера становятся безъ мѣры.

Уже пришла печальная пора:
Туманами окрестности покрыты,
И мелкій дождь съ утра и до утра
Сырою пылью сыплеть, какъ сквозь ситы,
Чернѣясь грязь по улицамъ видна,
День холоденъ, глухая ночь темна.
Затопимъ мы каминъ. Средь позднихъ бдѣній
Люблю, когда причудливыя тѣни
Враждебнымъ мракомъ дышать по угламъ,
А красный блескъ трепещетъ по стѣнамъ.

И вѣтръ и дождь всю ночь въ окно стучать,
Колеблются таинственныя тѣни,
Дрова, горя, блѣднѣютъ и трещать,
И вотъ встаетъ забытый рядъ видѣній...

Н. Р.

НОЧЬ НА ШАФБЕРГЪ *)

СИДѢЛЬ на крыльцѣ гостинницы Вольфгангъ, подъ защитою ветхой крыши, и выжидалъ, когда перестанетъ дождь, лившійся ливнемъ; на другой скамьѣ, напротивъ меня, сидѣлъ какой-то господинъ, у котораго на колѣняхъ лежалъ альпійскій посохъ; съ широкихъ полей его круглой шляпы время отъ времени падали крупныя капли дождя; но это его не беспокоило; онъ сидѣлъ неподвижно, какъ окаменѣлый. Когда тучи немного разсѣялись, и солнце блеснуло съ проглянувшаго голубаго неба, я всталъ, чтобы продолжать путешествіе, такъ какъ до ночи мнѣ предстояло еще часа четыре подниматься въ гору, а сумерки уже приближались. Въ ту же минуту, и другой господинъ поднялся со своего мѣста, и какъ тѣнь, пошелъ вслѣдъ за мною.

Не совсѣмъ пріятно, когда у васъ по пятамъ идетъ неизвѣстный человѣкъ: точно въ этомъ скрывается что-то таинственное. За вами слѣдитъ кто-то шагъ за шагомъ, а вы не можете наблюдать за нимъ, вы идете впереди. Этотъ господинъ могъ бы хватить меня своей палкой по головѣ,

*) Овечья гора.

еслибъ ему пришла такая фантазія, прежде чѣмъ я узналъ бы о его намѣреніи. Я остановился, взглянулъ на небо, и бросилъ косвенный взглядъ на моего преслѣдователя. Онъ также остановился и также смотрѣлъ на небо, едва я пошелъ—пошелъ и онъ; я не видѣлъ его, не слышалъ, но чувствовалъ; я готовъ былъ держать пари, что онъ въ трехъ шагахъ отъ меня. Такъ продолжалось ровно четыре часа; казалось, дорога вытягивалась подъ ногами, и что ей не будетъ конца. Когда, падая отъ усталости, я дошелъ до цѣли своего путешествія, наступила уже глухая ночь.

— Пожалуйте сюда, сказалъ хозяинъ горной гостинницы, вѣроятно услышавъ наши шаги, онъ вышелъ насъ встрѣтить. Осторожнѣй, говорилъ онъ, не упадите, тутъ четыре ступени.

Только что онъ успѣлъ проговорить эти слова, на лѣстницѣ рухнулось что-то тяжелое, и мой преслѣдователь лежалъ, какъ раздавленная лягушка.

— О, вы вѣрно ушиблись? сказалъ хозяинъ, спѣша къ нему на помощь.

— Oh, no! промычалъ тотъ господинъ; я къ этому привыкъ въ вашей проклятой странѣ.

— Вотъ тебѣ и разъ! англичанинъ! подумалъ я. Какже я не догадался раньше.

— Отведите мнѣ комнату, сказалъ я хозяину.

— Отведите мнѣ комнату, сказалъ сынъ Албіона.

Хозяинъ пожалъ плечами.

— Очень жалѣю, отвѣчалъ онъ; у меня свободна только одна комната, и если господа согласятся....

Затѣмъ онъ повелъ насъ по перегнившей лѣстницѣ на верхъ и отворилъ одну дверь. Я вошелъ первый, за мною вошелъ и англичанинъ. Онъ тотчасъ опустился на стулъ и протянулъ ноги во всю длину.

— Я беру эту комнату, сказалъ я хозяину; велите вынести отсюда другую кровать.

— Извините, отвѣчалъ хозяинъ; этотъ господинъ при-

шелъ съ вами, даже секундой прежде, пожалуйста подѣлитесь съ нимъ комнатою.

— Я согласенъ, неохотно сказалъ британецъ, если нельзя иначе, дѣлать нечего.

— Мнѣ это также непріятно, отвѣчалъ я.

— Хозяинъ подвелъ меня къ окну и показаль, по его словамъ, на прелестный ландшафтъ, который за темнотою, конечно, я не могъ разглядѣть; тогда онъ повелъ меня на галерею, окружавшую домъ.

— Вонъ тамъ Штейерскія горы, поясняль онъ; вотъ Лозеръ, Дахенштейнъ, вершины Доннеркегель близъ Гозау... а тамъ за озеромъ тянутся Баварскія альпы, высокій Голль, Нижняя гора и Вацманъ.

— Такъ это Нацманъ? проговориль англичанинъ, коверкая нѣмецкое названіе, и чтобъ лучше разглядѣть все въ потемкахъ, поднялся на цыпочки, упершись изо всей силы руками о мои плечи.

— Не ходите далѣе, сэръ, предупредиль хозяинъ. Галерея тутъ ненадежна. Недѣлю тому назадъ, одинъ молодой человѣкъ по неосторожности полетѣль отсюда прямо въ пропасть и увлѣкъ за собою часть периль, о которыя облокотился.

А! oh!—промычалъ англичанинъ, и опережая меня шага на три, безцеремонно сказалъ:—посторонитесь. Я хочу разглядѣть Нацманъ.

— Вы очень любезны, отвѣчалъ я съ досадою, подвигаясь вмѣстѣ съ нимъ къ опасному мѣсту.

Хорошъ же такой сончлежникъ, думаль я, добра ждаль нечего, если онъ будетъ такъ продолжать. Становилось свѣжо, и мы поторопились возвратиться въ комнату, гдѣ хозяинъ немедленно зажегъ лампу.

Тутъ англичанинъ замѣтилъ стеклянную банку, завязанную тонкою бумагой.

— Это что такое? спросиль онъ.

— Піявки, отвѣчалъ хозяинъ, онѣ остались послѣ того

молодаго человѣка, который упалъ съ галереи. Мы его вытащили изъ пропасти, принесли домой и приставляли ему эти пѣивки, думали этимъ спасти его.

— Переставьте пѣивки на другую половину комнаты, возразилъ англичанинъ, отодвигая банку; я терпѣть не могу пѣивокъ.

Онъ становился все любезнѣе. Вотъ тебѣ и на! Меня начало разбирать зло, но я удержался.

— Я займу вотъ эту постель, продолжалъ британецъ; она кажется подлиннѣе и дальше отъ двери, а въ дверь страшно дуетъ.... другую постель можете занять вы.

Эта дерзость была уже черезъ-чуръ; я хотѣлъ раскричаться, но не желая портить себѣ аппетита и лишать себя сна, что бываетъ со мною всегда, когда я взбѣшусь,—я смолчалъ.

— Господа будутъ вмѣстѣ ужинать? спросилъ хозяинъ, приготовивъ постели.

— Я бы желалъ ужинать отдѣльно, отвѣчалъ англичанинъ.... или есть у васъ общая столовая?

— Извините, сэръ, мой домъ для этого слишкомъ малъ.

— Ну, нечего дѣлать, хотя и очень непріятно.

— Что есть у васъ къ ужину? спросилъ я хозяина.

— Форели и камбала.

— Дайте мнѣ форелей, отвѣчалъ я.

— А мнѣ камбалы, сказалъ англичанинъ.

— Какое вино желаете вы, господа?

— Мнѣ красное, отвѣтилъ я.

— А мнѣ бѣлое, сказалъ англичанинъ.

— Сейчасъ все будетъ подано, и хозяинъ вышелъ изъ комнаты.

Когда мы остались одни, британецъ сѣлъ на стулъ, возлѣ своей кровати и сталъ пристально глядѣть на меня своими безцвѣтными глазами. Я не выдержалъ, и сталъ смотрѣть въ окно.

— Вы действительно хотите остаться со мною на ночь? спросил онъ наконецъ.

— Къ несчастью вынужденъ, другой комнаты нѣтъ, отвѣчала я.

— Я васъ предупреждаю, милостивый государь.

Я не отвѣчала.

— Я васъ предупреждаю, продолжалъ онъ громче, что я страшно храплю во снѣ, а когда перестаю храпѣть, то хожу взадъ и впередъ по комнатѣ.

Пріятная перспектива, нечего сказать, но сдаться я не хотѣлъ, да и не было другаго исхода.

— Къ тому-же я лунатикъ, продолжалъ онъ; это у насъ въ роду; и мой дѣдъ и мой отецъ были лунатики; когда въ послѣдній разъ я былъ въ лунатизмѣ, то чуть не отправилъ одного человѣка на тотъ свѣтъ.

Мнѣ стало жутко.... все еще было терпимо, но быть задушеннымъ или задавленнымъ лунатикомъ—плохая шутка! Я подумалъ, нельзя ли переселиться на сѣноваль; въ эту минуту вошелъ хозяинъ.

— Ну сегодня выпалъ славный денекъ, сказалъ онъ; сейчасъ пришло десять человѣкъ студентовъ, они, какъ селедки, затискались на сѣноваль.

— Ну, такъ будь, что будетъ, подумалъ я и утѣшилъ себя словами Шекспира: „пусть будетъ то, что должно быть; часовая стрѣлка пробѣгаетъ сегодня несчастный день“. Спустя пять минутъ, мы сидѣли вмѣстѣ за столомъ и уничтожали незатѣйливый ужинъ. Опорожнивъ одну бутылку вина, англичанинъ спросилъ себѣ вторую, затѣмъ третью и сдѣлался разговорчивѣе, но въ глазахъ у него и въ его словахъ проглядывало враждебное чувство.

— Вамъ тоже путешествіе не доставляетъ удовольствія? сказалъ онъ, наполнивъ ротъ буттербродомъ.

— Напротивъ, отвѣчала я коротко.

— А мнѣ никакого.... ужасно неудобно, но докторъ ска-

заль, что путешествіе полезно для моя здоровья, или для мой здоровья, какъ тамъ по вашему.

— Мое здоровье, поправиль я.

— У васъ съумасшедшій языкъ, продолжалъ онъ; даже при ѣдѣ надобно употреблять всѣ три члена: *) „одинъ ложка“, „одна вилка“ и „одно ножикъ“.

Этого я не могъ вынести, не могъ дозволить насмѣхаться надъ нашимъ обработаннымъ, богатымъ нѣмецкимъ языкомъ, и сталъ защищать его. Слово за слово, мы дошли до колкостей, и мой vis—à—vis разевирѣпѣль.

— Слушайте, закричалъ онъ; мы сначала полюбуемся на восходъ солнца, онъ долженъ быть восхитителенъ въэтой мѣстности, а затѣмъ будемъ драться на дуэли, у самой пропасти.

— Вотъ тебѣ и дуэль на носу, подумаль я. И это называется путешествовать для удовольствія! Однако человекъ не долженъ ронять собственного достоинства, какъ бы не была велика непріятность.

Я замолчалъ, отодвинулся дальше со своимъ стаканомъ вина и закурилъ сигару. Англичанинъ свирѣпѣль.

— Милостивый государь, вскричалъ онъ, вы вѣрно поклялись довести меня до крайности. Я не выношу табачнаго дыма; оставьте вашу сигару.

— А мнѣ какое дѣло? отвѣчалъ я очень спокойно. Я могу дѣлать въ своей комнатѣ что хочу.

— Хорошо же, возразилъ онъ, и я тоже, и я тоже. А! oh! посмотримъ, кто изъ насъ скорѣе уступить.

Сказавъ это, онъ растворилъ настезъ окно; холодная струя ночнаго воздуха ворвалась въ комнату.

— Заприте сейчасъ окно; такъ можно на смерть простудиться, вскричалъ я.

— Мнѣ что за дѣло, отвѣчалъ онъ моими же словами; я могу дѣлать въ моей комнатѣ все, что хочу. И мы поссорились до того, что англичанинъ, ударивъ кулакомъ по столу, сказалъ:

*) По нѣмецки „eine Löffel“.

— Мы должны драться сегодня же, я не могу ждать до утра. На ночь, одинъ изъ насъ долженъ остаться хозяиномъ этой комнаты, и завтра восхищаться восходомъ солнца... Выбирайте оружіе, милостивый государь: шпаги или пистолеты?

— Мнѣ рѣшительно все равно, отвѣчалъ я, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ ни шпагъ, ни пистолетовъ.

— Goddem! промычалъ британецъ, ваша правда. Чтоже, какъ же быть, и вдругъ, ударивъ себя по лбу, вскричалъ.

— Нашель! Вотъ счастливая мысль! Она вѣрно и вамъ понравится, имѣете понятіе объ американской дуэли?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Прекрасно! Такимъ образомъ дѣло сладится само собою. Мы будемъ играть въ четъ и нечетъ. Вы это знаете?

— Конечно, отвѣчалъ я. Эта игра продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ не вытащитъ изъ кармана другаго все, до послѣдней копѣйки.

Англичанинъ засмѣялся.

— Oh! no! отвѣчалъ онъ; такъ неприлично; замѣтили вы роковое мѣсто на галлерей, надъ пропастью?

— Замѣтилъ.

— И разглядѣли пропасть?

— Да.

— Отлично. И такъ, кто изъ насъ проиграетъ въ четъ и нечетъ, тотъ долженъ стать на роковое мѣсто въ галлерей и броситься въ пропасть. Понимаете?

— Совершенно, отвѣчалъ я.

Дѣло становилось серьезнымъ. Кому охота подвергать жизнь съумасшедшей шуткѣ?

Между тѣмъ мой собесѣдникъ вынулъ изъ кармана нѣсколько золотыхъ монетъ и держа ихъ въ рукѣ—спросилъ!

— Четъ или нечетъ?

Съ минуту я колебался.

— Вы боитесь? сказалъ онъ насмѣшливо.

— Четъ! отвѣчалъ я поспѣшно.

Онъ раскрылъ руку, сосчиталъ монеты, и спокойно сказалъ:

— Вы выиграли, я приговоренъ къ смерти.

Говоря это, онъ надѣлъ свой *cache—nez* и шляпу и пошелъ къ двери, которая вела на галлерею.

— Куда вы, сэръ? спросилъ я.

— Въ пропасть; отвѣчалъ онъ. Прощайте, милостивый государь; мнѣ очень пріятно что познакомился съ вами, продолжалъ онъ, отворяя дверь и вышелъ.

— Но вѣдь это шутка! вѣдь это безуміе! закричалъ я ему вслѣдъ. Вѣдь не броситесь же вы въ самомъ дѣлѣ въ пропасть? Онъ обернулся ко мнѣ.

— А еслибъ вы проиграли, развѣ вы не уплатили бы долга? спросилъ онъ. Я не нашелся что отвѣтить и тихонько пошелъ за нимъ; когда мы дошли до роковаго мѣста, онъ облокотился на перила.

Я тихонько ударилъ его по плечу, онъ не обернулся, вѣрно раздумываетъ, сказалъ я самъ себѣ, и дѣйствительно такое мелочное выполненіе чести могло быть только вслѣдствіи сильнаго раздраженія. Пора было обратить все въ шутку. Но англійскій сплинъ и гоноръ брали свое. Я взглянулъ ему въ лицо; глаза его были закрыты, быть можетъ видъ пропасти испугалъ его и онъ колеблется... Я неподвижно стоялъ подлѣ него. Губы его дрожали... Не хочеть ли онъ сказать мнѣ что нибудь? Я ждалъ и прислушивался.

— Ну, теперь брошусь, бормоталъ онъ, долгъ чести.

По выраженію его глазъ, по беззвучному, дрожащему голосу, по машинальнымъ движеніямъ, я понялъ состояніе, въ которомъ онъ находился... Онъ впалъ въ лунатизмъ и безсознательно хотѣлъ выполнить свое намѣреніе. Если его разбудить, онъ непременно бросится въ пропасть.

Я рѣшился спасти его, и осторожно схватилъ за руку, онъ передернулъ плечами, но не очнулся. Я повелъ его съ

галереи, онъ не сопротивлялся. Такъ я довелъ его до постели и уложилъ его половчѣе.

— Отлично! подумалъ я. Завтра ты будешь убѣжденъ, что совершилъ сальтомортале въ пропасть; я объ этомъ позабочусь.

Я сталъ придумывать, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы все вышло правдоподобнѣе. Не побить ли его, его же альпійскимъ посохомъ; синяки будутъ явнымъ доказательствомъ паденія. Но пожалуй отъ подобной операціи онъ проснется раньше времени и узнаетъ обманъ. Нѣтъ, такъ не годится. Прежде всего надо перепачкать и изорвать его платье; я снялъ съ него шляпу, положилъ ее на стулъ, и усѣвшись на нее, обратилъ шляпу въ блинъ. Затѣмъ разрѣзалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ его пальто и брюки, и чтобы было натуральнѣе, изодралъ его мѣстами. Мало того—на окнѣ стоялъ горшокъ съ цвѣтами, я набралъ изъ него земли, по счастью она была сырая, и испачкалъ его сапоги, платье, руки и лицо его.

Сверхъ всего думалъ я, необходимо, чтобы онъ ощущалъ и боль въ членахъ. А! хорошо! надобно навалить на него что нибудь тяжелое; если тяжесть пролежитъ на немъ всю ночь, то конечно завтра онъ не пошевелитъ ни ногой, ни рукой, и спину будетъ такъ ломить, что пожалуй онъ и съ постели не встанетъ. Я взялъ кресло и положилъ его ему на грудь; онъ застоналъ, но не проснулся. Стало быть можно и продолжать — и навалилъ ему на колѣни два стула, да сверхъ того еще столъ, и обвязалъ свѣсившуюся руку.

Англичанинъ тяжело дышалъ.

— Я задыхаюсь... раздалось съ его блѣдныхъ губъ. Воды! воды!

— Конечно, подумалъ я; безъ воды дѣло не обойдется. Я схватилъ два графина, стоявшіе на комодѣ, и вылилъ на него всю воду.

— Бррр! простоналъ онъ; тону, захлебываюсь!

— Ничего, для тебя такое купанье полезно, сказалъ я. Тутъ я нечаянно взглянулъ на банку съ пивками.

— О, превосходно! кровь необходима, и много крови. Я снялъ съ банки бумагу, и взялъ холодное, маленькое животное въ руку; оно вертѣлось какъ угорь, однако мнѣ удалось приставить пиявку къ носу англичанина, которымъ я поподчивалъ еще трехъ, а остальные четыре приставилъ къ ушамъ моей жертвы. Голодные пиявки живо принались за дѣло.

Англичанинъ пошевелился, затѣмъ вытянулся и остался неподвиженъ. Окончивъ всю эту возню, я пошелъ къ хозяину, чтобы предупредить его, и вернувшись въ комнату, прилежъ на свою постель отдохнуть немножко, въ ожиданіи пока пиявки перестанутъ сосать кровь британца.

Я вѣроятно крѣпко заснулъ, потому что не знаю, сколько времени пролежалъ на постели, какъ вдругъ проснулся отъ ужаснаго стона. Я вскочилъ и заспанными глазами осмотрѣлся вокругъ. Лампа погасла и утренній свѣтъ чуть-чуть пробивался въ окно, блѣдно освѣщая всѣ предметы.

Молніей пронеслось у меня въ памяти воспоминаніе о вчерашнемъ вечерѣ; я совершенно очнулся и бросилъ взглядъ на англичанина.

Онъ все еще лежалъ на постели, но столъ и стулья, которые я нагромоздилъ на него, были на полу, опрокинутые вверхъ ногами, точно послѣ землетрясенія.

Англичанинъ силился развязать себѣ руку.

— Помогите! помогите! застоналъ онъ опять. Я кажется смертельно расшибенъ.

Наступила критическая минута; проснись онъ прежде, чѣмъ я успѣлъ бы все привести въ порядокъ, то шутка могла бы окончиться серьезной неприятноcтью. Въ секунду я очутился подлѣ него и заглянулъ ему въ лицо. Глаза его были еще закрыты, значить не все пропало. Я поспѣшно поставилъ стулья по мѣстамъ, развязалъ ему руку, но при этомъ задѣлъ за ножку стола, который съ грохотомъ перекувырнулся.

Въ ту же минуту англичанинъ окончательно пришелъ въ

себя, открылъ глаза, и какъ-то глупо посмотрѣлъ на меня.

— Ао! сказалъ онъ. Что здѣсь дѣлается? Это что за явленіе?

Тутъ онъ спустилъ ноги на полъ, охая отъ боли. Къ моему ужасу, я совсѣмъ забылъ о пѣвкахъ, которыя, насытившись его носомъ и ушами, прилипли ему къ щекамъ и къ рукамъ, и извивались какъ черви. Какъ было мнѣ ихъ стащить, чтобъ онъ не замѣтилъ?

— Это что за черныя гадины впились въ меня? сказалъ онъ, стараясь стряхнуть съ руки пѣвку.

Я не зналъ что отвѣчать, какъ вдругъ другая пѣвка оторвалась отъ щеки и поползла ему за шею.

Тутъ англичанинъ увидѣлъ, что за звѣри бродили по немъ; какъ бѣшеный бросается онъ съ постели.

— Ао! заревѣлъ онъ. Кто приставилъ мнѣ этихъ проклятыхъ тварей? Я ихъ до смерти боюсь. Ао! ао!

Къ счастью остальные пѣвки, почти безжизненные, валялись на полу.

Смѣлость города беретъ; я рѣшился воспользоваться случаемъ.

— Слава тебѣ Господи! вскричалъ я, радостно обнимая своего пріятеля. Аллилуія! вы живы! вы живы!

— Ао! проговорилъ онъ; отстаньте, сэръ, пожалуйста. Вы переломаете мнѣ руки и спину. Что вы кричите? Почему же мнѣ не быть живымъ?

— Вы двигаетесь, продолжалъ я въ томъ же тонѣ. Вы говорите и слышите! славу Богу! слава Богу!

— Почему же мнѣ не говорить и не слышать? сказалъ англичанинъ, начиная сердиться. Что вы, милостивый государь, съ ума сошли, что ли?

— Да посмотрите же вы на себя, отвѣчалъ я уже серьезно. Вѣдь вы вчера вечеромъ полетѣли въ пропасть.

При этихъ словахъ, англичанинъ все припомнилъ. Онъ поглядѣлъ на свое платье, повелъ плечами и приподнял сначала одну ногу, потомъ другую.

— Я полетѣлъ въ „тотъ“ пропасть, спросилъ онъ, вперяя въ меня свои бездѣтныя глаза.

— Въ „ту“ пропасть? поправилъ я.

— Отчего же въ „ту“ пропасть? переспросилъ онъ.

— Оттого что пропасть женскаго рода.

— А! это опять безтолковщина вашего языка. Итакъ, я попалъ въ пропасть? Оттого-то вѣрно у меня такъ и болятъ всѣ члены?

— Конечно, сэръ.

— И оттого у меня такъ разорвано платье?

— Разумѣется, сэръ.

— И оттого я весь мокрый?

— Да, вы упали прямо въ горный ручей.

— Неужели? Да какже я оттуда вылѣзъ?

— Мы съ хозяиномъ...

— Но кто же прилѣпилъ мнѣ этихъ проклятыхъ, черныхъ животныхъ?

— Это я, сэръ.

— А зачѣмъ же вы это сдѣлали, когда я ихъ до смерти боюсь?

— Потому что кровопусканіе вамъ было необходимо чтобъ возвратитъ васъ къ жизни.

— Ао! ну, такъ я вамъ очень благодаренъ.

Въ это время раздался такой звонъ, который могъ бы поднять мертваго.

— О, это звонятъ къ солнечному восходу, сказалъ англичанинъ; ну пойдете любоваться на „солнцу“.

— На „солнце“, поправилъ я опять.

— Развѣ солнце средняго рода? Ужасно все странно на вашемъ языкѣ. Ну пойдете же смотрѣть на солнце; я тоже хочу поглядѣть на „тотъ“ яму, куда я провалился.

— На „ту“ яму.

— Ну, все равно, каждый говоритъ по своему, отвѣчалъ англичанинъ, уже готовый снова разсвирѣпѣть.

— А вѣдь дѣйствительно солнце очень красиво, и про-

пасть тоже красива. Однако, какой же я герой, что бросился въ нее.

По возвращеніи въ гостинницу, англичанинъ занялся приведеніемъ въ приличный видъ своего туалета, на сколько это оказалось возможнымъ; мы позавтракали вмѣстѣ, какъ добрые друзья, и я сталъ прощаться съ моимъ спутникомъ.

— Я очень радъ вашему знакомству, сказалъ онъ. Если мы встрѣтимся съ вами еще когда нибудь въ жизни, и будемъ драться по американски, то вѣроятно вамъ придется проиграть и полетѣть въ пропасть.

— Покорно васъ благодарю за такое пророчество, ну, а теперь будьте здоровы и прощайте, сэръ.

— Погодите, я пойду лучше съ вами; вы мнѣ очень нравитесь, вы такой любезный господинъ.

Я ничего не отвѣчалъ и пошелъ впередъ; онъ слѣдовалъ за мною на разстояніи трехъ шаговъ, какъ и вчера, когда мы пришли въ гостинницу. Мы шли молча до самаго Гильгена.

— Здѣсь мы остановимся, проговорилъ англичанинъ, и займемъ опять вмѣстѣ комнату.

— Очень благодарю, сэръ, отвѣчалъ я, дружески пожимая ему руку. Нѣтъ, ужъ вы дѣлите комнату съ кѣмъ нибудь другимъ; можетъ быть въ другой разъ, если мы съ вами встрѣтимся, извольте, но не теперь. Прощайте, сэръ.

Я ушелъ и, поднявшись на гору, посмотрѣлъ назадъ. Британецъ дѣйствительно уже кого-то подцѣпилъ.

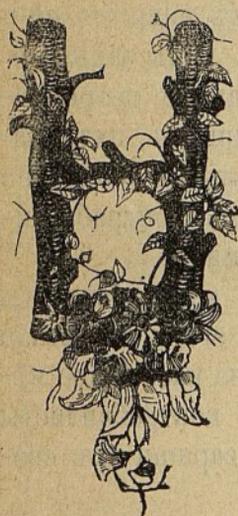
— Ну, куда-то онъ сегодня ночью спрыгнетъ? подумалъ я и продолжалъ свой путь.

Е. Геслингъ.

(Переведено съ французскаго).

БАБУШКА.

НѢСКОЛЬКО времени они ничего не вида-
ли, какъ вдругъ показался вдали путеше-
ственникъ, пробиравшійся узкой тропин-
кой черезъ перелѣсокъ. На плечахъ онъ
несъ кипу товаровъ; выйдя изъ кустар-
ника, онъ остановился и робко осмотрѣлся
кругомъ. Потомъ послѣшно перешелъ от-
крытое мѣсто и скрылся въ кустарникъ.
Спустя нѣсколько времени по слѣдамъ
его, той же тропинкой стали пробираться
еще три человѣка съ кипами товара за
плечами, пятеро же другихъ заключали
шествіе контрабандистовъ. Они-то и должны

были привлечь вниманіе пограничныхъ егерей. Егеря, уви-
давши, что контрабандистовъ болѣе не показывается, по ти-
хоньку начали пробираться по слѣдамъ ихъ; между тѣмъ
какъ другіе егеря, находившіеся по сторонамъ и впереди,
стали сходитья вмѣстѣ и все болѣе и болѣе сжимать кругъ
около контрабандистовъ. Въ минуту когда контрабандисты
длинной вереницей вторично вышли въ перелѣсокъ, со всѣхъ
сторонъ раздалось повелительное стой! а чтобы придать на-
стоящее значеніе этому требованію, изъ зеленаго кустарника
блеснуло съ полдюжины ружейныхъ стволовъ.

Весною въ садахъ раскидывается паутина, въ которой, собравшись въ кучку, живетъ множество крошечныхъ паучковъ, дохните на эту неподвижную ткань или дотроньтесь до нее рукою, въ минуту осьминогія животныя, съ быстротою молніи, разсыплются во всѣ стороны, подобно ракетному букету фейерверка. Тоже самое сдѣлали и контрабандисты, они въ разсыпную выбѣгали изъ ряда и по одиночкѣ бросались въ лѣсъ, употребивши при этомъ военную хитрость, половина изъ нихъ бросила свои товары, чтобъ остановить догоняющаго ихъ непріятеля. Такъ укрощаютъ кидаящуюся собаку и останавливаютъ ее, бросая ей жирный кусокъ мяса.

Контрабандисты хорошо понимали своихъ непріятелей и употребленная ими хитрость удалась. Такъ какъ захваченные товары иногда всѣ, иногда частію отдаются пограничнымъ егерямъ, жадность которыхъ превышаетъ ихъ обязанности, то и теперь вниманіе ихъ обратилось болѣе на брошенные товары, нежели на убѣгающихъ контрабандистовъ, и нѣсколько выстрѣловъ пролетѣли мимо.

— Замѣтите, сказалъ егерь, не всѣ контрабандисты бросили свои товары, а то бы пограничные егеря перестали ихъ преслѣдовать и обратили бы вниманіе на настоящее мѣсто переправы контрабанды. Смотрите, всѣ контрабандисты будутъ держаться лѣвой стороны, чтобы товарищи ихъ свободнѣе могли дѣйствовать.

И точно, преслѣдованіе контрабандистовъ становилось все жарче и жарче, и все болѣе съ лѣвой стороны лѣса. Эхо вторило многочисленнымъ выстрѣламъ.

— Теперь взгляните направо, сказалъ егерь, посмотрите какъ тамъ живо идетъ дѣло. Въ долинѣ челоуѣкъ пятьдесятъ скорыми шагами смѣло переносили за-границу на рукахъ мебель, взятую подъ залогъ у Дидриха и вскорѣ скрылись изъ глазъ зрителей.

— Я готовъ дать знать пограничнымъ егерямъ о многочисленномъ ввозѣ контрабанды, сказалъ станціонный писарь.

— Давайте, если желаете быть убиты, возразилъ лѣс-

ничій. Кажется вы не имѣете понятія о мщеніи контрабандистовъ. Мы, пограничные жители, должны смотрѣть на такого рода людей сквозь пальцы, иначе пропали бы. Они же сами и извѣстили насъ о тайномъ вывозѣ товаровъ за границу.

— Вѣроятно въ узлахъ, которые бросили контрабандисты лѣвой стороны, опилки или какая нибудь дрянь.

— Нисколько, отвѣчалъ лѣсничій, если бы контрабандисты это сдѣлали, то егеря скоро бы попали на настоящій слѣдъ. Впрочемъ, цѣнность пожертвованнаго товара несравненно ниже цѣнности вывозимой мебели.

— Какая ужасная участь ожидаетъ контрабандиста, если его поймають! Контрабандистъ рѣдко попадаетъ. Онъ обыкновенно, увидя опасность, бросаетъ контрабанду, смѣло отрекается и оправдывается хоть подъ присягою, думая, что исповѣдью примирится съ Богомъ. Слѣды контрабанды—обманъ, разбой, клятвопреступленіе, убійства, поджигательства, мщеніе, ненависть и образованіе класса людей, который ни передъ какимъ преступленіемъ не дрогнетъ.

IX.

Благородство.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ описаннаго происшествія, станціонный писарь сидѣлъ въ своей комнатѣ передъ столомъ, на которомъ стоялъ продолговатый ящикъ. Онъ внимательно разсматривалъ его и говорилъ самъ съ собою:

— Нужда ломить желѣзо; бѣдный Дидрихъ мужественно боролся съ обстоятельствами, чтобы не огорчить мать свою и не лишить ее пріятной жизни, и все таки принужденъ былъ шаявкѣ Пинкертъ заткнуть горло четырьмя картинами, которыя только что выписаны имъ изъ Праги для матери. За всѣ четыре картины Пинкертъ далъ Дидриху шестьдесятъ талеровъ, а съ меня взялъ за одинъ ящикъ съ музыкой

шестнадцать талеровъ. Шестнадцать талеровъ съ трудомъ выработанныхъ и назначенныхъ на мое погребеніе. Шестнадцать талеровъ за такой маленькій ящикъ. Ну, успокойся Либерехтъ! похороненъ ты будешь, хоть и не такъ пышно, какъ придумываль. Добрый Дидрихъ передалъ тебѣ гораздо болѣе шестнадцати талеровъ, и когда у него опять будутъ деньги, онъ вознаградитъ тебя за эту маленькую ссуду. Правду сказать г-жа консульша ко мнѣ всегда была сурова, но христіанинъ не долженъ помнить зла, сверхъ того она слѣпа, и ослѣплена, не думаетъ что бѣдность можетъ добратся и до нее. Но прежде нежели отнесу ящичекъ, надобно побаловать слухъ свой за мои шестнадцать талеровъ, и онъ пожалъ машину. Музыка заиграла.

— Прекрасно! превосходно! съ восторгомъ вскричалъ старикъ. Мнѣ кажется еще лучше чѣмъ за картиной, теперь мою любимую піэсу стараго Дессаура.

Старикъ подпѣваль звукамъ. — Я молодѣю, слушая музыку. Кто же мнѣ мѣшаетъ этимъ наслаждаться? Фу! старый писарь! ты можешь видѣть все прекрасное въ мірѣ, а слѣпая консульша этого лишена и безъ развлеченія сдѣлается еще ворчливѣе. Отнеси ящикъ, старый ребенокъ, пока нечистый духъ не ослѣпилъ тебя.

— Господинъ Дидрихъ, сказалъ онъ послѣ перваго привѣтствія, отведя его въ сторону, Пинкертъ препоручилъ мнѣ возвратитъ вамъ этотъ ящикъ, чтобы матушка ваша не была лишена удовольствія слушать музыку. Поставьте же его гдѣ нибудь, чтобъ она могла, когда ей вздумается, заводить его.

Глубоко тронутый Дидрихъ, съ слезами на глазахъ, посмотрѣлъ на старика и сказалъ грустно съ волненіемъ: и вы старый писарь! о Боже! я виною, что всѣ вокругъ меня говорятъ неправду. Я подаль дурной примѣръ и дѣти мои и слуги лгутъ, лжете и вы, старый человекъ! Изъ любви, но все таки ложь. Ложь, что Пинкертъ добровольно возвратилъ этотъ ящичекъ для утѣшенія моей матушки.

Станціонный писарь слегка покраснѣлъ, хм! хм! возвра-

зиль онъ, кашляя, не должно взвѣшивать мои слова на золотые вѣсы, любезный Дидрихъ!

— Вы видите, Пинкертъ возвратилъ музыкальный ящикъ, нечего и спрашивать какъ, и зачѣмъ. Поставьте его у вашей матушки и конецъ.

Дидрихъ обнялъ старика.—Отплати вамъ Господь Богъ за ваше великодушное пожертвованіе, сказалъ онъ. Какъ горько мнѣ, что не только я, но и дѣти мои притворяются передъ матушкой. Не разъ я готовъ былъ высказать ей правду и не могъ, какъ только взгляну на ея блѣдное, лишенное зрѣнія, лицо.

— Вѣрю, отвѣчалъ растроганный старикъ, я бы и самъ не рѣшился.

Дидрихъ говорилъ станціонному писарю о надеждѣ своей, что хотя одинъ изъ должниковъ его выплетъ свой долгъ. Старикъ слушалъ разсѣянно и мысленно прибиралъ риѣмы къ нѣкоторымъ словамъ. Писарь продолжалъ давать уроки Дидриховымъ дѣтямъ бесплатно. Кирбахъ служила безъ жалованья и дѣлала все чтобы угодить консульшѣ своимъ повареннымъ искусствомъ.

Признательность встрѣчается большей частію въ низшемъ классѣ людей.

Христофоръ Кирбахъ со Святой недѣли служилъ у извощика Фидлера, ни въ чемъ не нуждался и былъ заваленъ работою. Трое меньшихъ дѣтей, по-прежнему, работали, и положеніе семейства было не хуже Дидрихова.

Въ тотъ самый день, когда станціонный писарь купилъ музыкальный ящикъ, Христофоръ Кирбахъ посѣтилъ свою мать послѣ цѣлой недѣли отсутствія.

— Богъ помочь, матушка! Богъ помочь, дѣти, сказалъ онъ весело, вотъ я опять къ вамъ счастливо возвратился, да еще и съ находкой, сказавши это, мальчикъ показалъ имъ живаго голубя и продолжалъ, охотникъ подстрѣлилъ ему лѣвое крыло и должно быть недавно, а то бы лисица съѣла его, или бы онъ умеръ съ голода, говоря это, онъ пустилъ

голубя на полъ. Что вы его убьете или оставите жить и будете выкармливать?

— Пусть его живетъ, мы будемъ его кормить, вскричали дѣти.

Но мать, разсмотрѣвши голубя, сказала:

— Жизнь будетъ мученіемъ бѣдному животному. Развѣ вы не видите, какъ онъ страдаетъ. Надобно его убить.

— Мнѣ будто съ неба свалилось жаркое, а то я не знала, что и подать сегодня вечеромъ консульшѣ.

— Я еще принесъ кое-что, продолжалъ Христофоръ улыбаясь, пѣлую мѣрочку зрѣлыхъ вишенъ.

— Вишни! вскричали радостно дѣти.

— Да, вишни! повторилъ Христофоръ съ миной веселаго покровителя. За Дрезденомъ столько вишенъ, что ихъ собираютъ мѣрами. Тамъ тянутся длинныя, предлинныя аллеи изъ вишневыхъ деревьевъ. Если бы ихъ собрать все вмѣстѣ, то вышелъ бы большой лѣсъ, усеянный спѣлыми ягодами, которыя висятъ какъ... онъ не могъ найти сравненія.

— Какъ луковицы? спросилъ Максъ.

— Это еще ничего, возразилъ Христофоръ, какъ... какъ густые волосы на головѣ, какъ сосна, усеянная иглами. Покушайте матушка! Покушайте дѣти!

Мать взяла вишни, по четыре пары повѣсила дѣтямъ на уши, какъ подвѣски, и себѣ оставила нѣсколько ягодокъ.

— А остальные, сказала она, снесу консульшѣ и ея внучатамъ, пусть и они полакомятся первыми вишнями въ нынѣшнемъ году. Этимъ бѣднымъ дѣтямъ живется хуже вашего, вы къ лучшему не привыкли, а они всю свою жизнь ѣли изъ полной чаши. Имъ вдвое тяжелѣе терпѣть нужду. И какъ терпѣливо переносятъ они ее! и какъ ласковы къ своенравной бабушкѣ!

Дѣти Кирбахъ также терпѣливо перенесли то, что болѣе половины лакомыхъ вишенъ не попало имъ въ ротъ, а вмѣстѣ съ жаренымъ голубемъ украшали ужинъ консульши.

Заужиномъ консульша сказала съ досадой:

— Нечего говорить, не будетъ у меня второй Ульрики. Какъ не вкусенъ этотъ супъ изъ пива! Кирбахъ кладетъ не въ мѣру, ни сахара, ни лимона, ни изюма, ни корицы. И какъ противно раздается звукъ мѣдныхъ ложекъ.

Дидрихъ тихо вздохнулъ.

— Долго ли будетъ серебряникъ чистить наше серебро. Не зачѣмъ было отдавать разомъ, продолжала она съ досадою, и серебро, и мебель столярамъ изъ столицы; пора и возвратить. Фидлеръ былъ въ той сторонѣ и возвращался почти порожнякомъ, онъ могъ бы хотя часть мебели захватить съ собою. Въ домѣ такъ пусто, какъ будто бы все повыбрано. Счастье еще, что я не отдала своей мебели.

— Любезная матушка! сказалъ Дидрихъ, и я очень радъ, что мебель еще не возвращаютъ. Мнѣ хочется покрасить окна и двери. Не худо бы было, еслибъ вы для избѣжанія пачканья красильщиковъ, живописцевъ и дурнаго запаха, недѣли на двѣ перемѣстились.

— Здѣсь и теперь дурно пахнетъ, отвѣчала слѣпая, да еще и дурнымъ табакомъ, вѣрно станціонный писарь опять накурилъ у насъ.

Эти слова разрывали сердце сына, а дѣти печально переглянулись.

— Точно, старикъ приходилъ сюда и покурилъ немного, сказалъ Дидрихъ. Онъ принесъ музыкальный ящичекъ отъ той картины, музыка которой вамъ всѣхъ болѣе нравится. Желая угодить вамъ, матушка, онъ уговорилъ столяра, который взялся вызолотить рамы, вынуть музыку, и радовался, что этимъ можетъ услужить вамъ.

— Для какихъ-нибудь двухъ дней, сказала консульша равнодушно, не стоило ему трудиться.

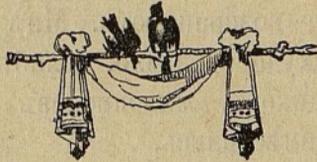
— Не прикажете ли принести ящикъ изъ низа, спросила Юлія, онъ стоитъ на вашемъ ломберномъ столѣ, бабушка. У насъ будетъ въ продолженіи ужана играть музыка.

Музыка была принесена и заведена. Усладительные звуки разлились, когда же послышалась третья пѣса:

Намъ жизнь дается только разъ,
Умѣйте наслаждаться ею.
Рви розу въ свѣтлый утра часъ,
Пока не поблѣднѣетъ.

Глаза Дидриха наполнились слезами, а дѣти омочили слезами свой хлѣбъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 сентября 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.